

Rudyard
KIPLING

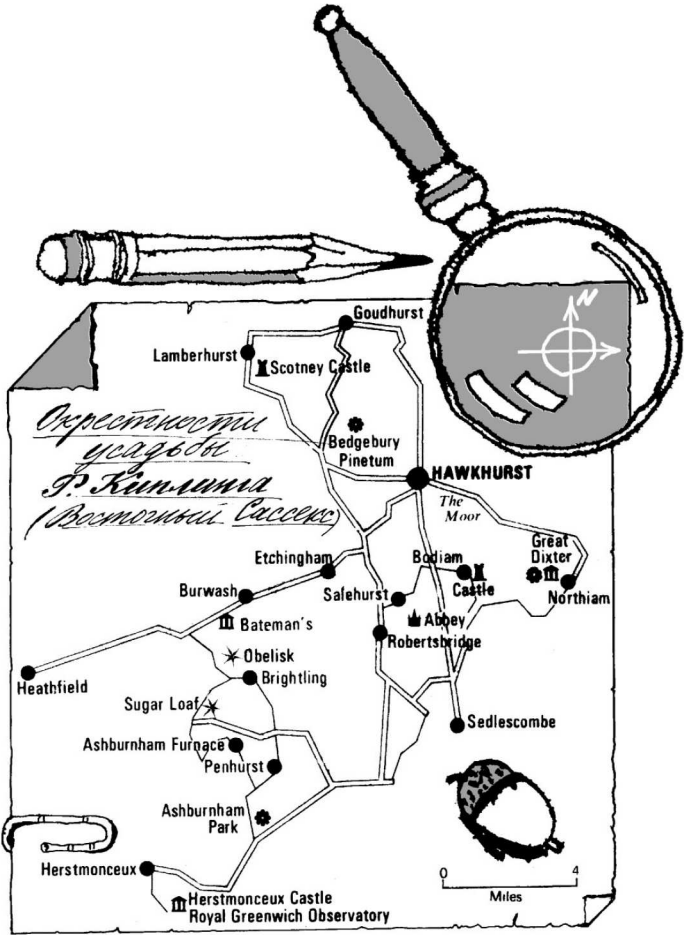
Puck of
Pook's
Hill

1906

СОДЕРЖАНИЕ

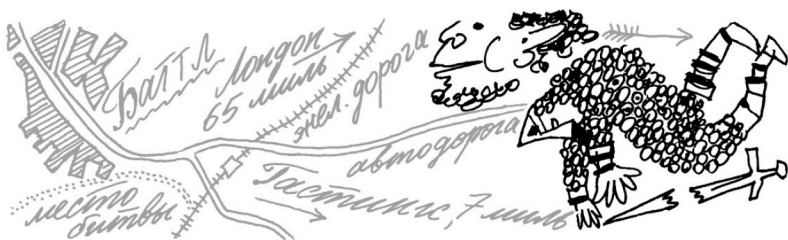
<i>Г. Кружков. От Бэрваша до Баттла: Тропой Киплинга по Волшебным холмам</i>	7
МЕЧ ВИЛАНДА. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	19
Песня Пака. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	20
Деревья Англии. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	46
МОЛОДЕЖЬ В ПОМЕСТЬЕ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	49
Песня Сэра Ричарда. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	78
ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	81
Песня варяжских жен. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	82
Песня Торкильда. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	14
СТАРИКИ В ПЭВЕНСИ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	117
Руны на мече Виланда. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	146
ЦЕНТУРИОН ТРИДЦАТОГО ЛЕГИОНА. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	149
«Городу, роду и племени...». <i>Перевод М. Бородицкой</i>	150
Песня британского римлянина. <i>Перевод М. Бородицкой</i> ..	174
У АДРИАНОВА ВАЛА. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	177
Гимн Митре. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	206
КРЫЛАТЫЕ ШАПКИ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	209
Песня Пиктов. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	236
ГЭЛ ЧЕРТЕЖНИК. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	239
«Если впрямь ты пророк – честь тебе и хвала!..». <i>Перевод М. Бородицкой</i>	240
Песня контрабандистов. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	264
ПЕРЕПРАВА «ЭЛЬФАНТОВ». <i>Перевод Г. Кружкова</i>	267
Песенка младшего Хобдена по прозвищу Пчелка. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	268
Песня на три стороны. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	290
ЗОЛОТО И ЗАКОН. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	293
Песня о Пятой Реке. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	294
Песня детей. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	316
Рисованный комментарий С. Любаева и Г. Кружкова	319

*Рассказ Григория Кружкова о том,
как он посетил «Дом Моряка» и прошел
пешком от Бэрваша до Баттла.*

Была у меня одна авантюрная мысль: прежде, чем начать переводить книгу о Паке с Волшебных холмов, побывать в тех краях, которые описывает Киплинг. Это окрестности деревушки Бэрваш в графстве Сассекс. Там сейчас дом-музей, и хотя времена изменились, но места по-прежнему захолустные, глухие, и кто знает: вдруг и мне повезет встретиться с этим старым английским лешим, шутником и проказником Паком? Почему бы и нет! Разве мы не сроднились с ним, хотя бы отчасти, еще пятнадцать лет назад, когда я перевел балладу про Робина Весельчака, — а это и есть одно из прозвищ Пака. В стихах он говорит от первого лица, похваляясь своей ловкостью и важным положением в волшебном мире духов:

*Князь Оберон — хозяин мой,
Страны чудес верховный маг.
В дозор ночной, в полет шальной
Я послан, Робин-весельчак.
Ну, кутерьму
Я подыму!
Потеха выйдет неплоха!
Куда хочу,
Туда лечу,
И хохочу я: — Ха-ха-ха!*

Книга Киплинга начинается с того, что Дан и Уна дают спектакль по шекспировской пьесе «Сон в летнюю ночь», причем Дан играет Пака. И настоящий Пак не выдерживает, является к ним, чтобы показать, как надо исполнять его роль. Может быть, если я продекламирую балладу о Робине там же, у склона Волшебного холма, он снова вылезет, чтобы меня поправить? Как знать! Один полководец говорил: сперва вяжемся в бой, а там посмотрим.

Конечно, я все заранее изучил по карте: где какие холмы и горы, в какой стороне море и древний замок Пэвенси, и как далеко от Бэрваша до поля битвы при Гастингсе, откуда нормандский воин сэр Ричард с саксонцем Хью вместе добирались до его поместья, причем раненый Хью шел пешком, а сэр Ричард ехал верхом. Они шли полдня через холмы и долины, днем и в лесной темноте, и лишь к полуночи добрались до цели. Приложив линейку к карте и учтя масштаб, я определил, что это не больше 15 миль, следовательно, если я буду проходить в час, скажем, по три мили, то я могу одолеть это расстояние за 5 часов. Мне казалось, что я обязан оттопать собственными ногами путь Ричарда и Хью, — лишь тогда мне по-настоящему откроется дух этой книги, дух славной истории Англии.

Итак, я наметил себе — после киплинговского музея, как бы «на закуску» — пешеходную прогулочку до Баттла. Это имя, собственно, и означает «битва»; ведь нормандские войска под предводительством герцога Вильгельма только высадились с кораблей при Гастингсе, а само сражение с Гарольдом Смелым и его саксонским войском произошло намного севернее, где сейчас город Баттл и древнее Баттлское аббатство.

Кстати, о названии самого дома Киплинга. Он зовется Бейтманз-Хаус, что, вероятно, происходит от древнеанглийского слова «батман» — моряк. Так и будем его величать: Батман, или Дом Моряка.

***

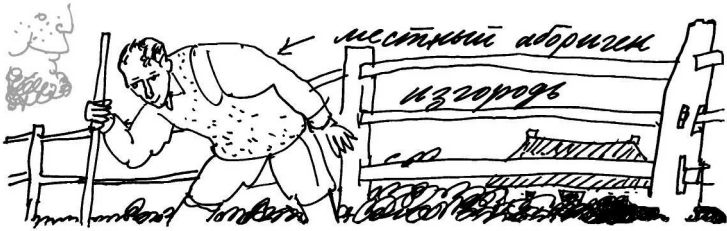
Я поделился своими планами с Хилари и Полом — друзьями, у которых я гостил в Лондоне. Дескать, субботу и воскресенье собираюсь посвятить паломничеству по кипплинговским местам. И примерно описал свой будущий маршрут.

— К чему так сложно: метро, вокзал, поезд, автобус? — сказал Пол. — В субботу я еду с друзьями по цветочки в Западный Сассекс. Выедем пораньше, заброшу тебя по дороге в Бэрваш.

Тут мне хочется объяснить, что значит для Пола поехать «по цветочки». Если вы думаете, что речь идет о каких-нибудь букетах, венках из одуванчиков и прочих сентиментальных вещах, то это, конечно, вздор! Пол — любитель-ботаник, его цель — найти редкое растение. Не сорвать, упаси боже, а просто увидеть, может быть, сфотографировать, записать в блокнот. Вот уж кто неутомимый ходок! Чем дальше приходится идти «за цветочками», тем ценнее. Лучше всего по горам. Поэтому в отпуск Пол уезжает туда, где местность подичее и покруче — в Уэльс, в Анды, в Гималаи. С фотокамерой и определителем растений.

«Я дружбой был, как выстрелом, разбужен», — сказал кто-то из поэтов. Вот именно, что как выстрелом. Это при моей-то привычке поспать подольше! Еще и жаворонки не пели (а поют ли они вообще в Ричмонде — вот вопрос), как мне пришлось вскакивать на ноги и, наскоро проглотив чашку кофе, залезать в машину. И мы помчались!

Ехать с Полом — это запоминается на всю жизнь. Дело в том, что мой друг Пол — человек совсем особенный: он все делает в два раза быстрее, чем другие люди. Одевается ли он, готовит завтрак, звонит по телефону, читает карту или газету, ходит, умывается, ремонтирует калитку — все у него происходит в другом темпе, чем у простых смертных. Кажется, что и часы у него на руке тикают в два раза быстрее. Однако, пока дело касается таких простых вещей, это ничего и даже мило. Но вот

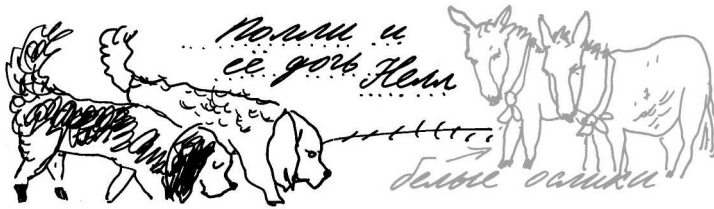

вы садитесь с ним в машину и вдруг осознаете, что и машину он водит в два раза быстрее, чем другие люди! А это уже не шутка.

Один наш общий друг после совместной экскурсии с Полом (в течение которой он как-то судорожно острил на заднем сиденье, крест-накрест пристегнувшись ремнями безопасности) признался мне потом по секрету, что всю дорогу вспоминал, какие он дела успел доделать, а какие так и останутся навек недоделанными...

А я думал совсем о другом. В то раннее утро, пока мы с Полом летели по узким английским проселкам, я перенесся мыслями на сто лет назад, в октябрь 1899 года, когда мистер Хармсворт, основатель газеты «Дейли Мейл» и друг Киплинга, впервые подкатил к его дверям на одном из первых в Англии авто. В ту пору семейство Киплингов было озабочено подыскиванием дома в деревне, чтобы поселиться там всерьез и надолго. Автомобиль показался им идеальным средством поисков.

«Это была двадцатиминутная прогулка. Вернулись мы белые от дорожной пыли, оглушенные шумом двигателя. Но с того часа отравы начала действовать. Вскоре с помощью какого-то Брайтонского агентства мы наняли одноцилиндровый, ременно-приводной, с каретными рессорами и откидным верхом “эмбрио”, который мог развивать скорость до восьми миль в час. Это стоило (включая оплату водителя) три с половиной гиней в неделю. Наша дорогая тетушка, не боявшаяся ничего на свете, воскликнула: “А как же я!” Так что в наши поисковые экспедиции мы стали ездить втроем... Вместе с горсткой других отчаянных первопроходцев нам пришлось принять на себя первый взрыв общественного негодования. Графы, привставая в своих изящных ландо, бросали нам вслед ужасные проклятия. Цыгане, дамы в двуколках, пивовары на тяжелых фургонах — казалось, весь мир (за исключением несчастных терпеливых лошадей) громогласно возглашал нам анафему...»

Спустя некоторое время я купил машину с паровым двигателем, называвшуюся “локомотив”... Она довела нас до грани полного изнеможения и истерии... Именно на этом злосчастном “локомотиве” мы и подъехали впервые к Дому Моряка.

Р. Киплинг. *Кое-что о себе*. 1936

Когда мы подъехали к Бейтманз-Хаус на своем серебристом пикапе, было еще довольно рано. Абориген в резиновых сапогах и с палкой в руке объяснил нам, что музей откроется в десять. За идеально подстриженной зеленой изгородью виднелся огромный дом постройки шестнадцатого века. Напротив, через дорогу, рос высоченный дуб, ровесник дома, а рядом на зеленом выгоне паслись два симпатичных белых ослика. Это были «киплинговские» ослики; они не возили телег, а просто жили здесь по традиции, как живые экспонаты. Мы не замедлили сфотографироваться вместе с ними.

Наши четвероногие спутницы Полли и ее дочка Нелл, выскочив из машины, с ликованием носились вокруг. Их древняя кровь — они принадлежали к редкой спаниельской породе с чудным названием «кавалеры короля Карла» — почуяла родную обстановку: тут пахло веком Якова Стюарта и Карла Первого.

Мы подошли к мостику и заглянули вниз — густая зелень деревьев скрывала ручей. Тот самый, по которому плавали Дан и Уна!.. И я вновь обернулся, чтобы полюбоваться Домом.

С первого момента, едва Киплинг со своей абордажной командой увидели этот дом, решение было принято. «Это он! Он! Единственный и неповторимый!» — шепнула им Судьба.

«Мы вошли и сразу почувствовали, что его дух — фэн-шуй — благоприятен. Мы прошли по всем комнатам и нигде не обнаружили ни тени застарелой тоски или притаившихся бед, никакое зло не витало над этим домом, хотя его “новой” части было уже триста лет».

К сожалению, хозяин дома сказал им, что он только накануне сдал усадьбу на двенадцать месяцев. Они продолжали поиски, или делали вид, что продолжали, но через год, едва дом освободился, поехали и моментально его купили.

«Когда сделка совершилась, продавец сказал: “А теперь позвольте вас спросить. Как вы собираетесь добираться на станцию и обратно? Это около четырех миль, и чтобы взобраться в гору, мне приходилось пристегивать вторую пару лошадей”. — “Я рассчитываю вот на это хитрое изобретение”, — отвечал я с сиденья своего “ланчестера”. — “Да ну, это несерьезно”, — хмыкнул хитрец. Лишь годы спустя, когда мы встретились вновь, он признался, что если бы знал то, что я уже тогда предвидел, то запросил бы с меня вдвое дороже. Через три года мы и вспоминать перестали о железнодорожной станции. А через семь лет мой шофер в ответ на сетования какого-то гостя, приехавшего в малоомощной “жестянке”, сделал большие глаза: “Холмы? Да нет на Лондонской дороге никаких холмов”.

Между прочим, я потом видел последнюю машину Киплинга в его гараже — «роллс-ройс» тридцатых годов, огромный, как броневик. Лауреат Нобелевской премии, он мог себе позволить такую роскошь.

Музей, как и обещали, открылся в десять. К тому времени Пол и его лохматые подруги, попрощавшись со мной, укатили на встречу с друзьями-ботаниками, а я, осмотрев дом — действительно добрый и совсем не мрачный, несмотря на старинную тяжелую мебель, — поднялся в кабинет директора, чтобы попросить его показать карту усадьбы и ее окрестностей. Если таковая найдется.

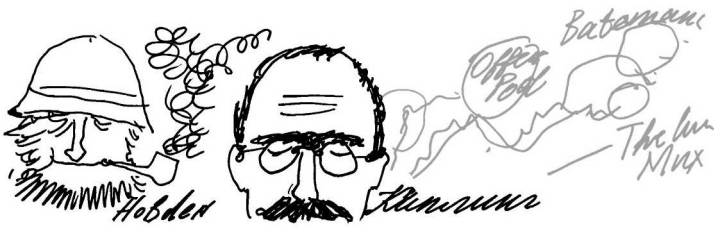
Таковая нашлась. Я наспех перечертил к себе в блокнот основные ориентиры: Мельничный ручей, саму Мельницу, Волшебный холм, Омут Выдры и так далее. Это все реальные места вблизи киплингского дома, перекочевавшие потом на страницы его книг.

«О деревушке в один ряд домов, что на холме, мы знали только, что ее жители происходили от контрабандистов и овцекрадов, более или менее остепенившихся за последние три поколения...»

Среди местных старожилов был один, лет семидесяти, браконьер по наследству и по призванию... вскоре он стал нашим важным советчиком и опорой. В поздние свои годы — а дожил он до восьмидесяти пяти лет — старик любил вспоминать прошлое (вроде как я сейчас), и рассказов его хватило бы на много томов. Он говорил о любви, драках, кознях, об анонимных доносах неких “грамотеев” и о мстительных заговорах, осуществленных с восточным коварством. О браконьерстве он знал все... Его саги были украшены картинами Природы, описаниями ночей и рассветов, таинственных возвращений и гениальных алиби, придуманных нами у очага, пока сушится одежда, и о новых вылазках под покровом сумерек. Его жена, привыкнув к нам за десять лет, могла порассказать многое о своем прошлом, включая волибу, колдовство и приворотные зелья, пользовавшиеся спросом в округе вплоть до шестидесятых годов... Она умерла в возрасте девяноста лет и до конца сохранила такт, манеры и даже, несмотря на свой маленький рост, осанку настоящей герцогини».

Таковы были прототипы сторожа Хобдена и его жены. Что касается замысла всей книги, то он рос постепенно, по мере того, как писатель осознал, сколько пластов истории, сколько загадок и сюжетов таит в себе земля, на которой он поселился. Началось с пустяков. Однажды рыли колодец, и на глубине семи метров нашли курительную трубку времен короля Якова и латунную ложку кромвелевского солдата, а еще ниже — бронзовый нащечник от римской конной узды. Во время очистки пруда вытащили две елизаветинских пивных кружки и — из гущи придонного ила — топор каменного века «лишь с одной щербинкой на по-прежнему грозной полированной кромке».

Вот почему Киплинг ничуть не удивился, когда его кузен Амброуз Пойнтер предложил ему написать повесть о римском владычестве в Англии. «Пусть там будет старый центурион, рассказывающий детям о том, что ему довелось пережить».

“А как его звали?” — немедленно спросил я, любя во всем конкретность. “Парнезий”, — ответил кузен, и это имя застряло у меня в голове...

У самого края нашей земли, в маленькой долине, ведущей из ниоткуда в никуда, лежала большая гряда заросшего бурьяном шлака — развалины древней кузницы, бывшей в деле, вероятно, со времен финикийцев и римлян вплоть до середины восемнадцатого века. Дрок и папоротник все еще скрывали разбросанные железные чушки, и если снять несколько дюймов обгрызенного кроликами дерна, можно было увидеть прорыжелый, прокаленный насквозь грунт и две узкие колеи от плавильной печи, построенной еще в елизаветинские времена. Дорога-призрак, которая начиналась тут, в этой мертвой ложбине, и, выбравшись наверх, пересекала наши поля, была известна в округе как “Пушечный волок” и обычно связывалась с памятью о Великой Армаде. Казалось, каждый уголок этой земли кишел призраками и тенями. Вскоре нашим детям вздумалось исполнить для нас отрывок из “Сна в летнюю ночь” — прямо под открытым небом. А потом один наш друг подарил им лодку из березовой коры, с осадкой в воде около трех дюймов, и они занялись исследованием ручья. А на ближайшем к нам заливному лугу лежали загадочные Ведьмины кольца.

Видите, как терпеливо перетасовывались карты и как они сами ложились мне в руки? Старые духи нашей Долины вмешивались так или этак во все наши дела. Земля, Вода, Воздух и Люди как будто сговорились (теперь-то я вижу), чтобы дать мне вдесятеро больше материала, чем я мог использовать, если бы даже я писал полную историю Англии — в той мере, в какой она коснулась наших мест”.

Обе киплингские книги о Паке (как раньше его же «Книга джунглей») имели триумфальный успех. Уже при жизни писате-

Эльси и Джон
Фейтманн Ланг
со стороны двора

ля они были переведены на двадцать семь языков! А начиналось все здесь, в этой маленькой долине, у подножия этого холма, на берегах Мельничного ручья, вдоль которого ведет экскурсионная тропинка с калиткой и указателем: «Продолжение осмотра». А вот и Малая Мельница — «самое распрекрасное место» для игр в дождливый день. Она отреставрирована умельцами из окрестных мест — тщательно и совершенно бескорыстно. Картины и схемы на стенах рассказывают о мукомольных колесах и жерновах. Все в порядке, все как должно быть; и только никто больше не огласит чердак кровожадным пиратским кличем, и никто не высунется из маленького «Утино окошко» посмотреть, перестало ли моросить на улице или нет. Есть туристы, приходящие сюда «вразброд и парами», есть лавочка сувениров внизу, неподалеку от входа, есть даже я, невесть каким ветром занесенный сюда гость из России. И только нет девочки Эли и мальчика Джона — тех самых Уны и Дана, встречавшихся здесь с Паком, с Гэлом-чертежником и с Хобденом...

Они были погодки, Эли и Джон, она родилась в 1896 году, а он в 1897-м. Значит, сколько ему было, когда он погиб во Фландрии, в бою при Лоосе 27 сентября 1915 года? Восемнадцать лет.

Я выхожу и смотрю — сперва на солнце, потом на часы. Уже около двух, пора в путь. С легкой сумкой на плече и с картой в руке я иду сперва по тропе, а потом по асфальтовой узкой дороге через холмы — чем дальше, тем пустынное кругом.

Сельская глубинка — холмы, и леса, и очень редкие следы жилья. Я запыхался скорей, чем думал. Тут вот в чем секрет: когда развертываешь карту на столе и на коленях, дорога кажется короткой, как мизинчик, и плоской. А когда начинаешь шагать, она вдруг забирает вверх — да так круто, как нос фрегата, идущего против ветра в шторм! — а потом скатывается вниз — и снова вверх — и снова вниз... В общем, выходит совсем не то, что идти по равнине. И хотя